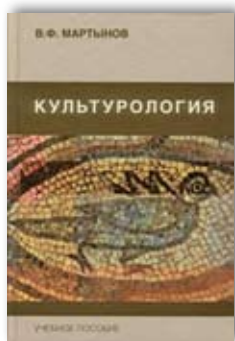

Ощущение света

Мартынов, В.Ф. Культурология. Теория культуры: учебное пособие / В.Ф. Мартынов. – Минск: АСАР, 2008. – 848 с.

В такие периоды для общественного сознания важно появление работ, в которых системно, всесторонне, глубоко и качественно давался бы анализ сложившейся ситуации, определялись ценностные и смысловые ориентиры развития, пути их воплощения, находились правильные ответы на непростые вопросы бытия. Нельзя не согласиться с автором рецензируемого издания, что такие ответы можно найти только с помощью глубокого осознания ценностей культурного общечеловеческого «космоса» на основе интенсивного диалога культур. Постигание смысла наиболее значимых феноменов культуры, включая культуру религиозную, – один из наиболее эффективных способов пробуждения и просветления душ и сознания людей, в чем так остро нуждается современное общество. Без преувеличения, культура – это светоносное начало в жизни людей. В этом убеждает весь многовековой опыт развития человечества. Как почитание света толковал происхождение слова **культура** Н.К. Рерих, выделяя в нем два корня: *культ*- «почитание» и *ур*- «свет».

Ощущение света, согревающего и просветляющего душу, возникает уже с первых страниц рецензируемой книги и не оставляет читателя на протяжении всего знакомства с ней, несмотря на то, что зачастую речь идет о драматических, а порой и трагических коллизиях в развитии человечества. Вероятно, это связано, прежде всего, с умело подобранным профессором

«Мы живем в мире одержимости. И мы это знаем»¹, – пишет нидерландский философ Й. Хёйзинга в своей известной работе (с. 8). Повсюду витают настроения грозящей миру гибели, страх перед ближайшим будущим, сомнения в прочности какого бы то ни было общественного устройства, ощущение упадка культуры, массового распространения утилитарного, потребительского подхода к жизни. «Мы воочию видим, – отмечает Й. Хёйзинга, – как шатается все то, что казалось прежде незыблемым и священным: истина и человечность, право и разум. Мы видим, как перестают функционировать государственные институты, хиреют производственные системы. Мы видим, как продолжают отчаянно работать вхолостую общественные силы. Грохочущая машина этого неистового времени того и гляди начнет буксовать» (с. 8). Этот грохочущий мир порождает дисгармоничные вибрации, которые вносят разлад и смятение в души людей и их сознание.

В.Ф. Мартыновым массивом текстов виднейших представителей культурологической мысли, начиная с античности и заканчивая современностью. Следуя за их напряженным духовным постижением сущности и смысла жизни, читатель невольно сам вовлекается в противоречивый процесс осмысления гармонии бытия, поисков человеческого счастья. И как следствие – в нем пробуждаются архетипы его сознания, извечно сформированные светом.

Еще одним фактором такого пробуждения выступает авторское видение рассматриваемых проблем, предшествующее базовым текстам мыслителей прошлых эпох и современности. Путеводной нитью осмысления сложных, иногда отрицающих друг друга культурологических смыслов, заключенных в текстах различных авторов, равно как и самих проблем гармонизации бытия, для автора книги является оптимистическое мироощущение, опирающееся на духовные истоки всего сущего в мире. Во «Введении» В.Ф. Мартынов так формулирует свой концептуальный тезис мировидения: «История учит: всё, что не связано с духовными истоками, обречено на мимолетное существование, каким бы ярким и привлекательным оно ни показалось вначале» (с. 5).

Хочется процитировать еще один важный методологический принцип, сформулированный во «Введении» и оказавший влияние на особенности содержания книги: «Путь мудрости требует душевной отдачи,

¹ Ссылки даются по рецензируемому изданию с указанием страницы в скобках.

душевной открытости каждому мгновению, постоянного обновления, роста, очищения внутреннего мира на основе интенсивного общения с Красотой, которая воплощена в культуре» (с. 5). По мнению автора пособия, наука о культуре открывает этот путь мудрости, она погружает человека в мир напряженных духовных исканий, творческого отношения к жизни. Суть этой опоры в том, что наука о культуре формирует мировосприятие, адекватное человеческой сущности. В этом случае человек становится способным отличать вечное от временного, истинное от ложного, возвышенное от низменного (ряд можно продолжать), овладевая самой главной наукой – наукой о счастье. Вступить на путь мудрости, отшлифованный тысячелетними духовными поисками людей, в первую очередь предлагается тем, кто призван в будущем укреплять и развивать его – студентам вузов, учащимся колледжей, магистрантам и аспирантам, поскольку пособие адресовано, прежде всего, им. Безусловно, оно будет полезно и интересно также широкому кругу читателей, задумывающихся о смысле жизни, поисках счастья, интересующихся спецификой современного культурного развития.

Основную часть книги открывает раздел «Культурология в контексте современной социокультурной ситуации». Здесь в авторском подразделе В.Ф. Мартынов говорит об актуальности культурологии как науки, важности и нужности ее изучения в современном обществе. Он отмечает, что это вытекает из требований социокультурной ситуации, сложившейся в современном мире, из того, что общество с точки зрения духовного развития не смогло в полной мере осмыслить феномен стремительного ускорения научно-технического прогресса и его последствия для будущего человечества. Прогресс в техносфере, сопровождаемый информатизацией общества, породил эффект глобализации и вместе с ней ряд опасных тенденций и противоречий.

Во-первых, в условиях глобализации общество не смогло выработать солидарной ответственности за происходящее, оставаясь во власти локального мышления. Возникло противоречие между глобальностью материального взлета и ограниченностью реально функционирующего сознания, углубилась конфронтация между обществом и

В соборе Святого Петра в Риме

природой, с трудом выдерживающей возрастающее технократическое давление.

Во-вторых, усилилась тенденция десакрализации смысла жизни, потребительский подход стал преобладающим, человек стремительно начал превращаться только в рациональную личность при нарастающей деградации нравственной сферы.

В-третьих, процесс разрушения оптимистического взгляда на мир приобрел массовый характер, в обществе обострилось трагическое мироощущение.

Все это, по справедливому мнению В.Ф. Мартынова, требует глубокого переосмысления ценностных ориентиров, определения духовных приоритетов, способных гармонизировать современное общество. Это возможно лишь на путях постижения смысла наиболее значимых феноменов культуры.

Авторские концептуальные положения данного раздела получают свое панорамное представление в текстах таких видных представителей культурологической мысли, как О. Шпенглер, Э.Б. Тайлор, Й. Хёйзинга, К. Ясперс, Д. Лихачев, П. Сорокин, Н. Рерих, А. Камю, Х. Ортега-и-Гассет и др. В них представлены взгляды известных мыслителей на предмет теории и истории культуры, на специфику современной социокультурной ситуации, на приоритетные направления культуры.

Логически необходимой частью пособия выступает второй раздел «Возникновение и развитие культурологических знаний». В рамках рецензии нет возможности сделать подробный анализ этого почти пятисотстраничного раздела, поэтому назовем только некоторые важные моменты авторской концепции.

В.Ф. Мартынов отмечает, что еще мифологический опыт существенно повлиял на формирование культурологической проблематики и последующее развитие культуры. Уже в рамках архаического сознания мифические герои гармонизируют мир, вносят культурные элементы в жизнь людей. В недрах мифопоэтической картины мира формируются представления о божественном законе как символе вечной, всепроницающей гармонии и связанном с ним этическим измерении человеческой жизни, в соответствии с которым каждый пожинает плоды того, что он посеял. В мифах зарождаются и

развиваются представления о человеке как носителе особой духовной сущности, способной к творчеству. Эти представления приводят к осознанию значимости воспитания как формы передачи духовных ценностей от поколения к поколению.

Проблема укоренения культурной преемственности в обществе, по мнению автора пособия, является одной из главных в античности. Важная роль в ее решении принадлежит образованию, которое, аккумулируя общие духовные достижения одаренных людей многих поколений, способно возвысить каждого человека. При этом смысл обучения и воспитания для многих античных мыслителей заключался не просто в накоплении знаний, расширении эрудиции, но во внутреннем преображении человека. В этих представлениях культура рассматривается как культ человеческой души, истинные ценности связаны со степенью ее развития. Античность рождает и первую критику достижений цивилизации, которые делают человека не столько свободным, сколько зависимым.

В средние века, констатирует В.Ф. Мартынов, закладываются идеи новой культурологической мысли: осознание трансцендентного, мистического опыта в качестве самой высокой формы сознания, любви как фундаментальной ценности человеческого бытия, веры как ключа к самосовершенствованию человека, символизм. В отличие от античности, в средние века особая роль начинает отводиться не рациональному постижению мира, не знанию, но откровению. Подлинное развитие человека усматривается не в формировании рациональных способностей, знаний о природе, но в метафизическом, мистическом опыте. При этом «в системе новых ценностей духовная чистота, простота ставится несоизмеримо выше, чем высокообразованный, эрудированный интеллект» (с. 122). Квинтэссенцией новых культурных идей выступает Священное писание.

В традиционном для культурологии ключе в соответствующем подразделе книги решается вопрос о возрожденческом восприятии культуры. Отмечается, что одним из фундаментальных представлений идеологии эпохи Ренессанса является гуманизм, утверждающий главным действующим

Зал античной скульптуры в Эрмитаже в Санкт-Петербурге

лицом эпохи раскрепощенного человека, мечтающего не столько о достижении Царства Божьего, сколько о земных идеалах. В этот период ослабевает влияние религиозных ориентиров, безусловного авторитета церкви – центром творческого внимания становится человек. Основная роль в становлении культурной личности отводится гуманитарным дисциплинам: поэзии, риторике, истории и философии. Содержательные возможности этих дисциплин оттесняют прагматическую направленность на второй план, прежде всего ориентируясь на духовное возвышение человека, его внутреннее совершенствование.

Здесь нельзя не отметить идеи Николая Кузанского, которого автор пособия считает одним из наиболее ярких мыслителей эпохи Ренессанса, о бытии как красоте и свете. По Кузанскому, бытие, будучи светом, теряет себя во мраке бесконечного множества частных, конкретностей. Функцию возрождения света, преодоления конкретности мира Н. Кузанский отводит человеческой душе, уму, которые способны к действию, творчеству, получая в творческой деятельности, кроме природного дара, второй дар – светоносность. Для развитого сознания каждая вещь в мире приобретает значимость, начинает светиться своим внутренним смыслом, светом истины. Благодаря своему созидательному характеру культура «открывает глубинные характеристики бытия – свет, добро, красоту» (с. 141).

Эпоха Просвещения усиливает рационалистическое начало в развитии культурологической мысли, отрицая во многом культурно-исторические традиции. По мнению В.Ф. Мартынова, «задача очищения разума от родовых, социальных, исторических, индивидуальных заблуждений во имя получения достоверного знания становится ключевой» (с. 161). Критериями культурного развития общества в этот период выступают темпы научно-технического прогресса, глубина познания законов природы и их использования во благо человека.

Культурологические представления индустриального общества (конец XVIII – XIX век) были сформированы такими крупнейшими мыслителями, как И. Гердер, И. Кант, Ф. Шеллинг, Г. Гегель, К. Маркс, А. Шопенгауэр, Ф. Ницше, С. Кьеркегор и др. В авторском подразделе В.Ф. Мартынов

дает сжатую характеристику особенностям их культурологических концепций, создающим новую, богатую палитру воззрений на культуру. Здесь и гердеревское различие элитарной и массовой культуры, и кантовские «культура умения» и «культура воспитания», и гегелевское понимание культуры как момента абсолютного, и критика культуры индустриального общества Ф. Шиллером, и столь же пессимистический взгляд на последнюю Ф. Ницше.

В отдельном подразделе представлены работы русских философов и культурологов XIX – начала XX века, внесших значительный вклад в исследование проблем культуры: Н.Я. Данилевского, Н.А. Бердяева, С.Н. Булгакова, И.А. Ильина, В.С. Соловьева, П.А. Флоренского, П.А. Сорокина и др. Характеризуя особенности русской культурологической мысли, В.Ф. Мартынов подчеркивает, что они включали в себя такие черты, как антирационализм, ярко выраженный гуманизм, экзистенциально-религиозное отношение к миру.

Подраздел «Культурологические идеи постиндустриальной цивилизации» завершает второй раздел. Культурологическая мысль XX века, по справедливому утверждению В.Ф. Мартынова, «поражает обилием новых идей, интерпретаций, концепций культурно-исторического процесса» (с. 321). Все это происходит на фоне нарастания сложных, противоречивых проблем техногенной цивилизации, которые и определяют интенсивный духовный поиск, направленный на преодоление кризисной ситуации, социальных катаклизмов.

Автором рецензируемой работы идеи постиндустриальной цивилизации структурируются в одиннадцать подподразделов, отражающих различные идеи, концепции, интерпретации культуры. Только одно их перечисление дает представление о напряженном поиске современниками выхода из прогрессирующего духовного кризиса: неэволюционистская концепция культуры; теория локальных цивилизаций; аксиологический подход к пониманию культуры; символическая концепция культуры; игровая модель культуротворчества; диалогическая сущность культуры; психоаналитическая интерпретация культуры; экзистенциальная культурфилософия; культурологические идеи франкфуртской школы;

постмодернистская трактовка культурологических проблем; структуралистская версия культуры. Авторская трактовка этих идей, концепций и подходов подкрепляется текстами виднейших представителей культурологической мысли современности, таких как О. Шпенглер, Э. Кассирер, М. Бубер, З. Фрейд, К. Юнг, М. Хайдеггер, Ж. Бодрийяр, Ж. Деррида, Р. Барт, М. Фуко, К. Леви-Стросс, Ю.М. Лотман и др.

Последний раздел «Фундаментальные проблемы теории культуры» состоит из ряда подразделов, в которых рассматриваются соотношение культуры и цивилизации, смысл культуротворчества, культура как система феноменов, проблема типологии культур, метафизический смысл культуры и др.

Здесь, пожалуй, следует особо отметить подраздел, в котором рассматриваются восточная и западная модели культуротворчества, что актуально для понимания людей в глобальном мире. Восточная культура, по мнению В.Ф. Мартынова, искала ключ к гармонизации человеческого существования в совершенствовании внутреннего мира личности, овладении присущей ей

духовной энергией. Осознание тождественности собственной души с душой Вселенной – путь, по которому должен двигаться человек в своей жизни. Восточный культурный ареал не приемлет активной преобразовательной деятельности, призывая сохранять неизменную душевную гармонию, вкус к красоте в любых экстремальных условиях. Западная культура значительные интеллектуальные, физические усилия направляет «на преобразование внешнего мира, переструктурирование природных элементов бытия, совершенствование общественных отношений» (с. 608).

Она в большей степени ориентирована на обустройство земной жизни и в меньшей степени ощущает значимость связи с космосом. Автор пособия приходит к выводу: «В реальной жизни человечеству еще предстоит выстрадать понимание того, что поиск гармонии, основанный на недоверии к совершенству Целого, культе борьбы, научных знаний, техники, стремлении к тотальному равенству, нивелировке личности, жесткой регламентации всех сторон социального бытия, линейном мышлении, забвении глубины микрокосма, неизбежно

Мэрилин Монро
на выставке работ
Эдгара Дега.
Лос-Анджелес,
1956 год

превращается в трагедию или фарс» (с. 609–610).

Примечательна в этом плане характеристика В.Ф. Мартыновым восточнославянской культуры как культуры, которая всегда функционировала между двух крайних полюсов, представленных Востоком и Западом, что требовало от нее способности к глубокому синтезу, интеграции двух генеральных линий мирового развития. Влияние полярных культур нередко приводило к тому, что естественный, органичный рост восточнославянской культуры нарушался революционными скачками, направленными на внедрение заимствованных образцов. По оценке автора книги, восточнославянская культура на карте мировой истории представляет собой один из самых динамичных, богатых значимыми духовными достижениями культурных центров, что подтверждает духовную зрелость и мировую творческую высоту восточнославянских народов. Современная восточнославянская культура «способна успешно реализовать свои творческие инициативы благодаря интенции к внутреннему преобразению, культивированию душевной чувствительности на основе восстановления прочных духовных связей с богатейшими традиционными ценностями, аккумулирующими почитание природной красоты, гуманистический опыт предков» (с. 663). К традиционным ценностям восточнославянского мира следует добавить и христианские ценности, православную традицию.

Характеризуя белорусскую культуру, В.Ф. Мартынов отмечает, что по своей фундаментальной направленности она представляет собой эмпатический тип культуры, в которой развивается способность человека к сопереживанию, чувствованию, толерантности, богатству душевных проявлений. Эмпатическая направленность белорусской культуры объясняет ее «рахманасць», «памяркоўнасць», которые проявляются в отсутствии этноцентризма, мирном сосуществовании различных национальностей, религиозных конфессий. Эмпатия сближает белорусскую культуру с восточной, основанной на культе предков, природной гармонии, пантеизме, женственности, толерантности. Менталитету белорусов близка прелесть простого, незамысловатого, проникновенного, например, красота василька,

который символизирует безмерную привязанность человека к непритязательной, безыскусной красоте родной земли.

Однако нашей национальной культуре свойственна также практическая направленность, что сближает ее с западной. Вместе с тем, в отличие от последней, для белорусской культуры не характерны прагматизм, утилитаризм, индивидуализм, отмечает автор пособия. Отечественная культура смогла осуществить органичный синтез пользы и красоты, практически значимого и незаинтересованного, тяготея не к экспансии, противоборству, но к гибкому, толерантному диалогу с иными культурами, другими государственными системами.

Нельзя не отметить и рассматриваемые В.Ф. Мартыновым в отдельном подразделе перспективы социокультурной эволюции. Он полагает, что глобализация как устремленность человека к всеобъемлющей интеграции открыла невиданные ранее возможности для сближения культур, расширения коммуникативного пространства. Позитивным моментом в этом стало возникновение реальных возможностей для объединения стран, регионов, народов, формирования единого цивилизационного пространства. Но подлинная интеграция – это понятие не экономическое, а культурное, духовное. Главный источник всеобщей гармонизации, по мнению автора книги, следует искать не в технической и технологической экспансии, а в раскрытии внутренних возможностей человека, что позволит выйти на качественно иное видение мироздания, самого человека, обнаружить новые, глубинные типы гармонии.

Большое значение книги доктора культурологии, кандидата философских наук, профессора Владимира Федоровича Мартынова в сохранении и развитии культурного пространства можно оценить уже сейчас. Она не только знакомит читателя с миром человеческого культурного «космоса», напряженными тысячелетними духовными поисками людей, но и пробуждает в нем сформированные светом архетипы сознания, способствует гармонизации человеческого общества.

Анатолий ГИРУЦКИЙ,
доктор филологических наук

На фотовыставке
в Минске

